

Показано, что норманская теория, безраздельно господствующая в отечественной и зарубежной историографии, в вузовских и школьных учебниках, не находит себе подтверждения в историческом, археологическом, лингвистическом и антропологическом материале и что родиной варягов и варяжской Руси, прибывших к восточным славянам в 862 г. и сыгравших важную роль в их истории, является южнобалтийское Поморье, где источники локализуют несколько Русий, в которых проживали славянские и славяноязычные народы.

NORMAN THEORY AND ITS SCIENTIFICAL UNFOUNDEDNESS

It is shown that the Norman theory which holds complete control in Russian and foreign historiography, in University and school textbooks, doesn't appear to have confirmation in historical, archeological, linguistical and anthropological materials and that the home land of Varangian and Varagian Rus, who came to Eastern Slavs in 862 and who played an important role in their history, is South Baltic Pomorye, where the sources locate several Ruses where Slavic and Slavic-speaking people lived.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ПРОСМОТР

В.В. ФОМИН
(Липецк)

НОРМАНСКАЯ ТЕОРИЯ И ЕЕ НАУЧНАЯ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ

Показано, что норманская теория, безраздельно господствующая в отечественной и зарубежной историографии, в вузовских и школьных учебниках, не находит себе подтверждения в историческом, археологическом, лингвистическом и антропологическом материале и что родиной варягов и варяжской Руси, прибывших к восточным славянам в 862 г. и сыгравших важную роль в их истории, является южнобалтийское Поморье, где источники локализуют несколько Русий, в которых проживали славянские и славяноязычные народы.

Ключевые слова: норманская теория,

имеющим мало отношения к исканию истины» [14]. Справедливость этого заключения подтвердил в 1962 г. английский ученый, крупнейший скандинавист П. Сойер, отметив, что «нет никаких археологических свидетельств, способных оправдать предположение о наличии там (на Руси. – В.Ф.) обширных по территории колоний с плотным населением» [40]. Но так будут говорить много лет спустя после того, как в науке, благодаря Арне, очень прочно закрепилось еще одно ложное направление в изучении русских древностей, породившее большое число мнимых доказательств норманства руси, а те, в свою очередь, «плодясь и размножаясь», дали начало другим и т. д.

И на Западе, конечно, нашлось много активных популяризаторов и вместе с тем «соавторов» теории Арне. С особым размахом развивал ее в 1970 – 1960-е гг. дат.

ПОКАЗАТЬ ЕЩЕ

Тропическое тепло принесет ливни в Москву

Погодная сенсация ожидается в предстоящие выходные в Московском регионе, сообщили специалисты погодного центра «Фобос». В регион придет...

ПОХОЖИЕ ТЕМЫ

научных работ по истории и историческим наукам , автор научной работы — Фомин Вячеслав Васильевич,

Викинги в Центрально-Восточной Европе: загадки Ладоги и Плиснеска (i)

2011 / Войтович Леонтий Викторович

Викинги в Центрально-Восточной Европе: загадки Ладоги и Плиснеска (ii)

2012 / Войтович Леонтий Викторович

Современные данные по варяжской проблеме на фоне традиций русской историографии

1999 / Носов Е.Н.

Дискуссия М. П. Погодина и Н. И. Надеждина по варяго-русскому вопросу

2015 / Пашков С.В.

Учебная литература по истории (вторая половина XVIII начало XIX в.) о происхождении варяжской руси и образовании Древнерусского государства

2012 / Соколов Сергей Васильевич

ТЕКСТ НАУЧНОЙ РАБОТЫ

на тему «Норманская теория и ее научная несостоятельность»

ИСТОРИЯ

В.В. ФОМИН (Липецк)

НОРМАНСКАЯ ТЕОРИЯ И ЕЕ НАУЧНАЯ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ

Показано, что норманская теория, безраздельно господствующая в отечественной и зарубежной историографии, в вузовских и школьных учебниках, не находит себе подтверждения в историческом, археологическом, лингвистическом и антропологическом материале и что родиной варягов и варяжской Руси, прибывших к восточным славянам в 862 г. и сыгравших важную роль в их истории, является южнобалтийское Поморье, где источники локализуют несколько Русий, в которых проживали славянские и славяноязычные народы.

Ключевые слова: норманская теория, норманисты, антинорманисты, южнобалтийские Русии.

В 1914 г. шведский археолог Т.Ю. Арне в монографии «La Suède et l'Orient» («Швеция и Восток»), совершенно произвольно трактуя археологический материал, выдвинул теорию норманской колонизации Руси, утверждая, что в Хв. в ней повсюду (в позднейших губерниях Петербургской, Новгородской, Владимирской, Ярославской, Смоленской, Черниговской, Киевской) «расцвели шведские колонии». Эти же мысли исследователь повторил в 1917 г. в сборнике своих статей «Det stora Svitjod» («Великая Швеция»), именуя так крупнейшее государство раннего Средневековья - Древнюю Русь (затем он еще

несколько десятилетий убеждал, что в Гнездове под Смоленском, Киеве и Чернигове находились «скандинавские колонии») [1; 2; 45]. Теория Арне была предельно актуализирована Первой мировой войной, а затем существованием Советской России (СССР), в связи с чем была воспринята в качестве нового слова в науке. Как верно констатировала в 1955 г. находившаяся в эмиграции Н.Н. Ильина, она обрела «большой успех в Западной Европе по причинам,

имеющим мало отношения к исканию истины» [14]. Справедливость этого заключения подтвердил в 1962 г. английский ученый, крупнейший скандинавист П. Соьер, отметив, что «нет никаких археологических свидетельств, способных оправдать предположение о наличии там (на Руси. - В.Ф.) обширных по территории колоний с плотным населением» [40]. Но так будут говорить много лет спустя после того, как в науке, благодаря Арне, очень прочно закрепилось еще одно ложное направление в изучении русских древностей, породившее большое число мнимых доказательств норманства руси, а те, в свою очередь, «плодятся и размножаясь», дали начало другим и т. д.

И на Западе, конечно, нашлось много активных популяризаторов и вместе с тем «соавторов» теории Арне. С особенным размахом развивал ее в 1920 - 1960-х гг. датский славист А. Стендер-Петерсен, работы которого, выходящие на разных языках, оказали огромное воздействие на всех специалистов мира в области изучения Древней Руси. По его мнению, землепашцы из центральной Швеции, мирно и постепенно проникая на восток, вклинились «в пограничные области между неорганизованными финскими племенами и продвигающимися с юга славянами», в результате чего в треугольнике Белоозеро -Ладога - Изборск осело шведское племя русь. Со временем эта шведская русь, вступив в мирный симбиоз с финскими и славянскими племенами и втянувшись в балтийско-волжско-каспийскую торговлю, создала около VIII в. вокруг Ладоги, а затем при Ильмене первое русское государство -Ладожское шведское княжество (Ладожский каганат), которое не позднее IX в. превратилось в норманский каганат.

Позже русско-свейские дружины «под предводительством местных конунгов» двинулись на завоевание Днепровского пути и захватили Киев, освободив местных славян от хазарской зависимости. Тем самым они завершили создание «норманно-русского государства», в котором весь выс-

© Фомин В.В., 2009

ший слой - князья, дружинники, управленческий аппарат, а также купцы - были исключительно скандинавами. Но в короткое время они растворились в славянах, что привело к образованию национального единства и созданию в рамках XI в. «особого смешанного варяго-русского языка». В области Двины, повествовал далее Стендер-Петерсен, существовало еще одно «скандинаво-славянское» государство с центром в Полоцке, в 980 г. разгромленное «скандинавским каганом» Владимиром. Невероятная массовость присутствия шведов в Восточной Европе дополнительно вытекала из таких слов ученого, что шведы на Русь шли «с незапамятных времен непрерывно...», что «наплыв» скандинавских купцов в IX - XI вв. в Новгород «был, по-видимому, огромный», что в 980 г. Владимир Святославич отбыл якобы из Н1непии в Новгород с наемным «громдным войском» и др. [4; 5; 6; 7; 41].

В 1950 - 1960-х гг. шведский археолог Х. Арбман, также тиражируя и закрепляя в западной историографии теорию норманской колонизации Руси, доказывал, что главной областью экспансии военно-торгового и крестьянского населения Скандинавии «первоначально было При-ладожье, откуда часть норманнов проникла в Верхнее Поволжье, а другая часть, двинувшись по Днепровскому пути, основала норманские колонии в Смоленске-Гнездове, Киеве и Чернигове». Скандинавы, расселяясь по Восточной Европе, установили господство над ее славянским населением и создали Киевскую Русь. В целом, как отмечал И.П. Шаскольский, в работах шведских, финских, норвежских и других западноевропейских ученых середины XX в. присутствовало стремление «показать, что главным содержанием истории Швеции IX -

XI вв. были не события внутренней жизни страны, а походы в Восточную Европу и основание шведами Древнерусского государства» [44; 45]. Теория Арне - Стендер-Петерсена - Арбмана в завуалированном виде присутствовала в советской науке, на словах борющейся с норманизмом, а на деле исповедовавшей главный его тезис о скандинавской природе варягов. И ее активными проводниками выступали археологи. Так, в 1970 г. Л.С. Клейн, Г.С. Лебедев, В.А. Назаренко довели до сведения историков, занимавшихся изучением Руси и, естественно, ставших брать их цифры в расчет и под-

верстывать под них свои построения, что норманны - дружинники, купцы, ремесленники - в X в. составляли «не менее 13% населения» по Волжскому и Днепровскому торговым путям. По Киеву эта цифра выросла у них до 18 - 20%, а в Ярославском Поволжье численность скандинавов, по их мнению, уже «была равна, если не превышала, численности славян» [16].

Такого рода рассуждения советских «антинорманистов», после 1991 г. ставших именовать себя «объективными», «научными» и «умеренными» норманистами, продолжали, как и прежде, подпитывать шведские археологи, до сих пор являющиеся в глазах российских коллег главными экспертами в оценке русских древностей. В 1985 г. шведский археолог И. Янссон предположил, стремясь, видимо, придать разговорам о масштабном присутствии скандинавов на Руси хоть какие-то черты материальности, что в эпоху викингов их численность могла равняться более чем 10% населения Швеции (подобная конкретизация, учитывая тот факт, что в последней около 1000 г. проживало от 500 до 800 тыс. человек, означает, что в землях восточных славян за три века в общей сложности побывали сотни тысяч скандинавов, которые, естественно, должны были оставить массовые следы своего пребывания на Руси). Размер «шведской иммиграции», по его словам, был настолько велик, а захороненных женщин (скандинавок. - В.Ф) настолько много, что иммигрантами не могли быть только воины, купцы и др. В их числе должны были быть и простые люди. В 1998 г. он добавил, что его дальние предки шли на Русь для несения военной службы, занятий ремеслом и даже сельским хозяйством, переселяясь на восток Европы целыми коллективами, да и в походы и на военную службу прибывали большими группами, что предполагает их постоянное проживание, нередко семьями, в городах и иногда сельских местностях [46; 47].

Наши археологи, не желая отставать ни от Арне, ни от Янссона, буквально эхом повторяют сказанное ими. Так, в 1996 -1998 г. В.В. Мурашова, ведя речь об «огромном количестве» скандинавских предметов «во множестве географических пунктов» Восточной Европы, не только проводила идею о большой иммиграционной волне из Швеции на Русь, но и утверждала, что есть основания говорить об эле-

ментах колонизации норманнами юго-восточного Приладожья [25; 26]. В 1999 г. Е.Н. Носов не сомневался, что в ряде мест скандинавы проживали «постоянно, семьями и составляли довольно значительную и влиятельную группу общества» [28]. Настроения археологов, стремящихся видеть материальные свидетельства пребывания скандинавов «во множестве географических пунктов» Руси, передаются, в силу их норманистских убеждений, историкам. Например, в 1995 - 2000 г. Р.Г. Скрынников объяснял, в том числе и абитуриентам гуманитарных вузов, и учащимся старших классов, что во второй половине IX - начале X в. на Руси, которую ученый именует «Восточно-Европейской Нормандией», «утвердились десятки конунгов», основавших недолговечные норманские каганаты, что там находилось «множество норманских отрядов», что в X в. «киевским князьям приходилось действовать в условиях непрерывно возобновлявшихся вторжений из Скандинавии», что разгром Ха-зари был осуществлен «лишь очень крупными силами», набранными в Скандинавии, что в балканской кампании Святослава «скандинавское войско по крайней мере в 1,5 - 2 раза превосходило по численности десятитысячную киевскую дружину», что его сын Владимир, будучи

новгородским князем, «подчинил норманнское Полоцкое княжество на Западной Двине...» и т. д. и т. п. [34; 35; 36; 37].

Что на самом деле представляют собой приведенные мнения шведских, датских и российских исследователей, большими тиражами доносимые до читателя, во-первых, хорошо показывает антропологический материал. В 1973 - 1974 гг. известный антрополог Т. И. Алексеева, проанализировав камерные захоронения в Киеве, принадлежавшие представителям высшей военнотрудовой знати и на подсчете которых Клейн, Лебедев и Назаренко ввели в научный оборот псевдофакт, что норманны в X в. составляли пятую часть (!) жителей весьма многочисленной столицы Руси, сопоставила их с германскими и констатировала, что «это сопоставление дало поразительные результаты - ни одна из славянских групп не отличается в такой мере от германских, как городское население Киева», и «оценка суммарной краниологической серии из Киева... показала разительное отличие древних киевлян от германцев» [8; 10]. Как верно за-

метил А.Г. Кузьмин [38] по поводу такого заключения специалиста, убежденного в норманстве летописных варягов, «пора-зительность» этих результатов, отмечаемая автором, проистекает из ожидания найти в социальных верхах киевского общества значительный германский элемент, а его не оказывается вовсе.

Во-вторых, с этими высказываниями нисколько не согласуется собственно археологический материал. Так, в Киеве (который, как полагают иностранные ученые, был основан норманнами и являлся «анклавом викингов», а по прикидкам наших, каждый пятый его житель был скандинавом), «при самом тщательном подсчете», подчеркивал в 1990 г. археолог П.П. То-лочко [42], количество скандинавских вещей, причем они не являются этноопределяющими, не превышает двух десятков. А в отложениях Новгорода, который у нас и за рубежом выдают за «основную базу» норманнов в Восточной Европе, предметов, увязываемых со скандинавами, найдено и того меньше - где-то полтора десятка [33]. И это тогда, когда для его культурных напластований характерна исключительная насыщенность древними предметами, а коллекция предметов, собранная на раскопках Новгорода за 1932 - 2002 гг., насчитывает в общей сложности более 150 тыс. изделий (в это число не включен массовый керамический материал) [31].

В целом все норманистские «видения» древнерусской истории перечеркивает тот факт, что шведы (норманны вообще) стали приходить в земли восточных славян лишь в конце X - начале XI в., в связи с чем они не имели никакого отношения к варягам Рюрика, Олега, Игоря, Ольги и Святослава. На это время очень точно указывают - посредством своих саг, вобравших их историческую память, - сами же скандинавы. В XIX в. антинорманисты Н.И. Костомаров [30], С.А. Гедеонов и Д. И. Иловайский [13] указали, что в сагах не упоминается никто из русских князей до Владимира Святославича (о его бабке Ольге-Аллогии они знают лишь по припоминаниям самих русских). К тому же ни в одной из них, отмечал Гедеонов, «не только нет намека на единоплеменность шведов с так называемую варяжскую русью, но и сами русские князья представляются не иначе как чужими, неизвестными династами» [11; 82]. В сагах, вместе с тем, совершенно отсутствуют хазары и

половцы. Следовательно, скандинавы начали бывать на Руси уже после исчезновения из нашей истории хазар, разгромленных в 60-х гг. X в. Святославом, и посещали ее где-то примерно с 980-х гг., т. е. с вокняжения Владимира Святославича, и до первого прихода половцев на Русь, зафиксированного летописцем под 1061 г. Эти рамки еще более сужает тот факт, что саги после Владимира называют лишь Ярослава Мудрого (ум. 1054 г.) и не знают никого из его преемников.

Факт упоминания в сагах Владимира и отсутствие сведений о его предшественниках показывает, что годы его правления и есть то время, когда норманны, по большому счету, открыли для себя Русь и начали систематически прибывать на ее территорию. Первым

викингом, побывавшим на Руси, саги считают Олава Трюг-гвасона, в будущем норвежского короля (995 - 1000 гг.). Причем, как подчеркивал А.Г. Кузьмин, в эпоху Владимира герои саг «действуют в Прибалтике, на побережье прежде всего Эстонии», и далее Эстонии их действия «не простираются». Лишь только при Ярославе, в связи с его женитьбой на дочери шведского короля Ингигерде, в варяжскую «дружину включаются шведы, в результате чего постепенно размывается и ее состав, и содержание этнонима». С этого же момента, заключал историк, норманны проникают и в Византию, где приблизительно в 1030 г. вступают в дружину варангов (варягов) [17; 18; 19; 20; 21; 22]. Важно заметить, что численность норманнов, посещавших русские земли при Владимире и Ярославе, не отличалась массовостью, не идет речь и о постоянном проживании в их пределах, что подтверждают самые смутные представления скандинавов о Руси, по сравнению, например, с немцами. Так, согласно сагам, ее столицей является Новгород, тогда как в «Хронике» Титмара Мерзебургского (ум. 1018 г.) ею предстает Киев. И Адам Бременский отмечал в 70 - 80-х гг. XI в., что столица Руси - это «Киев, который соперничает с царствующим градом Константинополем» [27].

По причине отсутствия какой-либо связи скандинавов с русью и варягами наши летописцы везде их четко различают. Так, в недатированной части «Повести временных лет» (ПВЛ) дан перечень «Афетова колена»: «варязи, свеи, урмане, готе, русь, агняне, галичане, волхва, рим-

ляне, немци, корлязи, веньдици, фрягове и прочии...» [23]. Русь с варягами этого перечня также отделена от шведов и скандинавов вообще, как от последних отделены, например, немцы, римляне, венецианцы и др. В Сказании о призвании варягов в ПВЛ под 862 г. варяжская русь хотя и стоит в одном ряду со скандинавскими народами (послы идут «к варягом, к руси; сице бо тии звахуся варязи русь, яко се друзии зовутся свеи, друзии же урмане, анъглыне, друзии гъте, тако и си» [32]), но, как констатировал еще М.В. Ломоносов, она выделена из числа других варяжских (как бы сейчас сказали, западноевропейских) народов и не смешивается со шведами, норвежцами, англами-датчанами и готами: «И пошли за море к варягам, к руси, ибо так звались варязи - русь, как другие зовутся шведы, иные же норманны, англы, другие готы, эти же - так» [24].

И если история не знает никакой скандинавской руси («генетическое шведское русь - подытоживал в 60 - 70-х гг. XIX в. С.А. Гедеонов, - не встречается, как народное или племенное, ни в одном из туземных шведских памятников, ни в одной из германо-латинских летописей, так много и так часто говорящих о шведах и о норманнах» [11: 291]), что уже разрушает все построения норманистов, то многочисленные иностранные и отечественные источники локализуют на южных и восточных берегах Балтийского моря несколько Русий: остров Рюген-Русия, устье Немана, устье Западной Двины, западная часть нынешней Эстонии - провинция Ро-талия-Русия и Вик с островами Эзель и Даго. В названных Русиях проживали славянские и славяноязычные народы, именуемые в источниках ругами, рогами, рутенами, руянами, ранами, русью, русами, из числа которых восточнославянские и угро-финские племена пригласили в 862 г., согласно ПВЛ, варягов и варяжскую русь.

То, что языком варягов и варяжской руси был именно славянский язык, видно из того факта, что по своему прибытию в северо-западные земли Восточной Европы они возводят там города, которым дают чисто славянские названия: Новгород, Бе-лоозеро, Изборск. На Южную Балтику как на родину варягов и руси указывают немецкие авторы XVI в. С. Мюнстер [3] и С. Герберштейн. В 1544 г. первый сказал, что Рюрик, приглашенный на княжение

на Русь, был из народа «вагров» или «варягов», главным городом которых являлся Любек. Второй говорил в 1549 г., что родиной варягов могла быть «область вандалов со знаменитым городом Вагрия» (германские источники называют балтийских и полабских славян «венедами» и «вандалами»), граничившая с Любеком и Голштинским герцогством. И эти «вандалы», - завершает Герберштейн свою мысль, -

не только отличались могуществом, но и имели общие с русскими язык, обычаи и веру, то, по моему мнению, русским естественно было призвать себе государями вагров, иначе говоря, варягов, а не уступать власть чужеземцам, отличавшимся от них и верой, и обычаями, и языком» [12]. Выход варягов и варяжской руси с территории Южной Балтики подтверждает массовый археологический, нумизматический, антропологический и лингвистический материал [39; 43], в свете которого крупнейший знаток русских древностей академик

В.Л. Янин заключил в 2007 г., что «наши пращуры» призвали Рюрика из пределов Южной Балтики, «откуда многие из них и сами были родом. Можно сказать, они обратились за помощью к дальним родственникам» [15].

Литература

1. Arne T.J. La Suede et l'Orient. Etudes archéologiques sur les relations de la Suede et de l'Orient pendant l'age des vikings. / T.J. Arne. Upsala, 1914. P. 225, 229.
2. Arne T.J. Det stora Svitjod. Essauer om gangna tidens svensk-ruska kulturfobindelser. / T.J. Arne. Stockholm, 1917. S. 37 - 63.
3. Munster S. Cosmographia. / S. Munster. Basel, 1628. T. IV. S. 1420.
4. Stender-Petersen A. Varangica / A. Stender-Petersen. Aarhus, 1953. P. 245 - 252, 255 - 257.
5. Stender-Petersen A. Anthology of Old Russian Literature / A. Stender-Petersen. N.Y., 1954. P. 9, notec...
6. Stender-Petersen A. Das Problem der altesten byzantinisch-russisch-nordischen Beziehungen / A. Stender-Petersen // X Congresso Internazionale di Scienze Storiche. Roma 4 - 11 Settembre 1955. Relazioni. Roma, 1955. Vol. III. P. 174 - 188.
7. Stender-Petersen A. Der alteste russische Staat / A. Stender-Petersen // Historische Zeitschrift. Bd. 191. H. 1. Munchen, 1960. S. 1, 3 - 4, 10 - 17.
8. Алексеева Т.И. Этногенез восточных славян по данным антропологии / Т.И. Алексеева. М., 1973. С. 267.
9. Алексеева Т.И. Антропологическая дифференциация славян и германцев в эпоху средневековья и отдельные вопросы этнической истории Восточной Европы / Т.И. Алексеева // Расогенетические процессы в этнической истории. М., 1974. С. 80 - 82.
10. Алексеева Т.И. Славяне и германцы в свете антропологических данных / Т.И. Алексеева // ВИ. 1974. № 3. С. 66 - 67.
11. Гедеонов С.А. Варяги и Русь: 2 ч. / С.А. Гедеонов; авт. предисл., коммент., биогр. очерка В.В. Фомин. М., 2004. С. 82, 415 (примеч. 149), 440 (примеч. 235), 456 (примеч. 294).
12. Герберштейн С. Записки о Московии / С. Герберштейн. М., 1988. С. 60.
13. Иловайский Д.И. Разыскания о начале Руси / Д.И. Иловайский. М., 1876. С. 316 - 317.
14. Ильина Н.Н. Изгнание норманнов. Очередная задача русской исторической науки / Н.Н. Ильина. Париж, 1955. С. 75.
15. Итоги. 2007. № 38 (588). С. 24.
16. Клейн Л.С. Норманские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения / Л.С. Клейн, Г.С. Лебедев, В.А. Назаренко // Исторические связи Скандинавии и России. Л., 1970. С. 234, 238 - 239, 246 - 249.
17. Кузьмин А.Г. Падение Перуна (Становление христианства на Руси) / А.Г. Кузьмин. М., 1988. С. 49, 157, 166 - 167, 175.

18. Кузьмин А.Г. Кто в Прибалтике «коренной»? / А.Г. Кузьмин. М., 1993. С. 5.
19. Кузьмин А.Г. История России с древнейших времен до 1618 г. / А.Г. Кузьмин. М., 2003. Кн. 1. С. 90, 92, 161.
20. Кузьмин А.Г. Начало Руси. Тайны рождения русского народа / А.Г. Кузьмин. М., 2003.
С. 215, 221, 225 - 226, 242, 332.
21. Кузьмин А.Г. Начальные этапы древнерусской историографии / А.Г. Кузьмин // Историография истории России до 1917 года. М., 2003. Т. 1. С. 39.
22. Кузьмин А.Г. Облик современного нор-манизма / А.Г. Кузьмин // Сборник Русского исторического общества. Т. 8 (156): Антинорманизм. М., 2003. С. 242, 244, 246, 248.
23. Летопись по Лаврентьевскому списку. Спб., 1897. С. 4, 18 - 19.
24. Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений / М.В. Ломоносов. М. - Л., 1952. Т. 6.
С. 33, 80, 204.
25. Мурашова В.В. Предметный мир эпохи / В.В. Мурашова // Путь из варяг в греки и из грек... М., 1996. С. 33.
26. Мурашова В.В. Была ли Древняя Русь частью Великой Швеции? / В.В. Мурашова // Родина. 1997. № 10. С. 9, 11.
27. Назаренко А.В. Немецкие латиноязычные источники IX - XI веков (тексты, перевод, комментарий) / А.В. Назаренко. М., 1993. С. 141 - 142.
28. Носов Е.Н. Современные археологические данные по варяжской проблеме на фоне традиций русской историографии / Е.Н. Носов // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб., 1999. С. 160.
29. Откуда есть пошла Русская земля. Века VI - X / сост., предисл., введ. к док., коммент. А.Г. Кузьмина. М., 1986. Кн. 2. С. 584 - 586, 654.
30. Публичный диспут 19 марта 1860 года о начале Руси между гг. Погодиным и Костомаровым. [Б.м.] и [б.г.]. С. 29.
31. Рыбина Е.А. Не лыком шиты / Е.А. Рыбина // Родина. 2002. № 11 - 12. С. 138.
32. Се Повести временных лет (Лаврентьевская летопись) / сост., авт. примеч. и указ. А.Г. Кузьмин, В.В.Фомин; вступ. ст. и пер. А.Г. Кузьмина. Арзамас, 1993. С. 47.
33. Седова М.В. Скандинавские древности из раскопок в Новгороде / М.В. Седов // VIII Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, языка и литературы скандинавских стран и Финляндии: тез. докл. Петрозаводск, 1979.
Ч. I. С. 180 - 185.
34. Скрынников Р.Г. Войны Древней Руси / Р.Г. Скрынников // Вопр. истории (ВИ). 1995. № 11 - 12. С. 26 - 27, 33, 35, 37.
35. Скрынников Р.Г. История Российская. IX - XVII вв. / Р.Г. Скрынников. М., 1997. С. 54 -55, 67.
36. Скрынников Р.Г. Русь IX — XVII века / Р.Г. Скрынников. СПб., 1999. С. 18, 20 - 45, 49 - 50.
37. Скрынников Р.Г. Крест и корона. Церковь и государство на Руси IX - XVII вв. / Р.Г. Скрынников. СПб., 2000. С. 10, 15 - 17, 22 -23.
38. Славяне и Русь: проблемы и идеи. Концепции, рожденные трехвековой полемикой, в хрестоматийном изложении / сост. А.Г. Кузьмин. М., 1998. С. 428, примеч. 255.

39. Фомин В.В. Варяги и варяжская русь: к итогам дискуссии по варяжскому вопросу /

В.В. Фомин. М., 2005. С. 422 - 473.

40. Сойер П. Эпоха викингов / П. Сойер. СПб., 2002. С. 290, 331. Примеч. 26.

41. Стендер-Петерсен А. Ответ на замечания В.В. Похлебкина и В.Б. Вилинбахова / А. Стен-дер-Петерсен // Kuml. 1960. Aarhus, 1960. S. 147 -148, 151 - 152.

42. Толочко П.П. Спорные вопросы ранней истории Киевской Руси / П.П. Толочко // Славяне и Русь (в зарубежной историографии). Киев, 1990. С. 118.

43. Фомин В.В. Начальная история Руси /

В.В. Фомин. М., 2008. С. 163 - 223.

44. Шаскольский И.П. Норманская теория в современной буржуазной историографии / И.П. Шаскольский // История СССР. 1960. № 1.

С. 227, 230 - 231.

45. Шаскольский И.П. Норманская теория в современной буржуазной науке / И.П. Шаскольский. М. - Л., 1965. С. 168 - 172.

46. Янссон И. Контакты между Русью и Скандинавией в эпоху викингов / И. Янссон// Труды V Международного конгресса славянской археологии. Киев, 18 - 25 сент. 1985 г. М., 1987. Т. III. Вып. 1(б). С. 124 - 126.

47. Янссон И. Русь и варяги / И. Янссон // Викинги и славяне. Ученые, политики, дипломаты о русско-скандинавских отношениях. СПб., 1998. С. 25 - 27.

Norman theory and its scientific unfoundedness

It is shown that the Norman theory which holds complete control in Russian and foreign historiography, in University and school textbooks, doesn't appear to have confirmation in historical, archeological, linguistical and anthropological materials and that the home land of Varangian and Varagian Rus, who came to Eastern Slavs in 862 and who played an important role in their history, is South Baltic Pomorye, where the sources locate several Ruses where Slavic and Slavic-speaking people lived.

Keywords: norman theory, normanists, antinormanists, South-Baltic Russian.

М.В. НОВИКОВ, Т.Б. ПЕРФИЛОВА (Ярославль)

Ф. Ф. ЗЕЛИНСКИЙ И ИДЕЯ СЛАВЯНСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

Анализируется одна из основополагающих идей в творческом наследии Ф. Ф. Зелинского - идея славянского Возрождения, а также ее обоснование и популяризация в контексте отстаивания классического гимназического образования.

Ключевые слова: методология истории, славянское Возрождение, классическое образование, античная культура, Серебряный век.

Данной статьей мы продолжаем серию публикаций о выдающихся отечественных историках конца XIX - начала XX в., внесших серьезный вклад в развитие теоретико-методологических основ исторической науки и исторического образования [13;